

Павел ПОНОМАРЕВ

ЗАМЕТКИ НА КРАЮ ДНЯ

Рассказы

КРАСНАЯ ДОРОЖКА

Приснилось, будто я сопровождаю очередного приглашенного писателя на Шукшинских днях на Алтае. Стоим мы с ним почему-то в фойе второго этажа драмтеатра и смотрим через стекло за происходящим на красной дорожке, по которой, под фотовспышки и рукоплескания зрителей, шествуют почетные гости.

Гость закуривает в помещении. Это меня не смущает. Я смотрю на красную дорожку и одновременно, кося взглядом, пытаюсь разглядеть имя гостя на его бейдже. Выходит что-то смутное: не то Андрей Ларсович, не то Петр Арсеньевич. Однако я четко понимаю, что передо мной сам Шукшин – по ухмылочке и прищуру. Хотя сбоку если смотреть – вылитый Уэльбек.

Говорю ему:

– Вам... – смотрю на бейдж не в силах ничего разобрать, – вам бы по той дорожке пройтись, – говорю. – Положено у нас так. Праздник как-никак. А то мне из-за вас шею намылят и гонорара не заплатят. Я вас и так полдня на такси вожу за свои деньги.

Расхрабрился я что-то. Второй этаж драмтеатра весь в дыму от его «беломорины», а мне кофе выпить охота. Умаялся я.

Гость, Шукшин то есть, сочувственно так кивает, но говорит не по делу. Другое говорит:

– Я вот о чем думаю, земля. Ковер этот красный, дорожка-то, когда-нибудь бывает чистой? Как думаешь? Я вот думаю – никогда. Бедные люди, которые ее чистят... Ну ты сам посуди – «баласины» этой под

Павел Пономарев родился в 1984 году в Рубцовске. Окончил филологический факультет Алтайского государственного педагогического университета. Работал преподавателем русского языка и литературы.

Печатался в литературном альманахе «Ликбез» (Барнаул), журналах «Алтай», «Новая юность», «Сибирские огни», «Урал», «Дальний Восток». Автор сборника рассказов «Мышиные песни» (2019).

Лауреат премии журнала «Сибирские огни» (2016), премии «Лицей-2019» им. А. С. Пушкина в номинации «Проза» (1-е место).

Редактор прозы журнала «Алтай».

Живет в Барнауле.

сто метров. Ежели ты ее пропылесосишь, к примеру, или веником по ней пройдешься – что, чисто? Да хрен там. Сворачивать надо. А ежели сворачивать, то опять вся грязь на бобину эту чертову наматывается. Дурная бесконечность получается. Философия, брат. И вот скажи мне, друг любезный, стало быть, ковер этот красный, торжественный то есть, всегда в грязи и копоти пребывает? А ты мне по нему пройтись предлагаешь... – Шукшин ехидно щерится. – Да еще и бедолагам тем, что его понапрасну чистят, работы подкинуть?

– Так, я пошел кофе пить, – говорю и оказываюсь у кофемашины железнодорожного вокзала.

– С коньяком? – улыбается Шукшин, водрузив на плечи туристический рюкзак, и закуривает новую папиросу.

– Можно и с коньяком.

– Угощаю. Себе я тоже накапаю на ход ноги.

КОРМУШКА

Прилепил кормушку на кухонное окно – умиляться синичками. Представил: сижу пью чай, кружит ноябрьский снежок, а синицы с благодарностью клюют семечки – милота и благорастворение воздушных.

Синицы оказались не так догадливы и первое время вместо семечек (нежареных, разумеется) клевали прочный пластик кормушки. Начально – не такие уж они в повадках и милые – заглядывали в окно, словно предъявляя мне за несовершенство открывшегося «общепита». О, глупые птицы. То, что я думал о них и даже произносил вслух в этот момент, говорить не буду. Поминал все не только несмышленных (или хитрых, чтобы побольше насыпал) синичек, но и создателей расхваленной на «Озоне» кормушки. Впрочем, напрасно: кормушка замечательная, синички пока под вопросом. И, собственно, почему синички, когда они преимущественно желтые? – детский вопрос. Видимо, еще и этот факт сказывается на их хитрожопом и карнавальном – по Бахтину – поведении.

Синички вскоре освоились. Не сразу, и не все. Приближая «птичий мир» к своему жилищу, начинаешь понимать, что эта абстрактная «стая» представлена разного рода исключительными пернатými персонажами. Со своими привычками, опытом и умением выживать. Все как у людей (пропеваётся низким срывающимся голосом). И доселе одинаково милые синички оказывались то порхающими впустую робкими недотепами, то терпеливо ожидающими своей очереди трудягами, то бесцеремонными свиньями в птичьем обличье.

За любительской орнитологией и крепким чаем, с недосыпа, много чего приходило в голову. Скажем, отпала иллюзия, что если бы люди имели крылья (как у синичек), то были бы похожи на ангелов, а мир хоть немного походил бы на рай. И на вопрос героини из школьной

программы: отчего люди не летают? – сходу возникал ответ: лучше по грибы сходи... Картина мира с крылатыми людьми выглядела еще более устрашающей. Представить хотя бы промоутера (выбери свое), стучащего с натянутой улыбкой в твое окно на ...дцатом этаже.

Умиляют ли синички? Конечно. Но это как с красочными фильмами о животных от National Geographic – смотришь завороченно и трепетно, словом, умиляешься, как забавная зверушка встала на камушек и осматривается на фоне живописного пейзажа. Другая зверушка смешно так, шевеля носиком, выглянула из норки. И потом – хрясь! – одна милая зверушка сожрала другую милую зверушку и даже не поперхнулась. Пейзаж все так же восхитителен...

В моем случае, по взгляду пернатых с той стороны окна, выходит так, будто я, мирно попивая чай и стараясь не делать резких движений, только того и жду, чтобы схватить зазевавшуюся синичку и тут же зажарить на сковородке. Но я не сержусь, сижу наблюдаю. Глупо обижаться на желтых забавных птиц с названием «синица» в период бескормицы. Все как у людей.

ТРАМВАЙ И ГОЛУБИ

В городе заговорили о новых трамваях, красивых, как апельсин, и все сразу оживились. Оживление было кстати, потому что зима уродилась ни к черту и назойливо сбоила в пространстве пакостным межсезоньем. Примерно так: выходишь из дома с зонтом, возвращаешься с лопатой. Или наоборот. Требовалось оживление.

Новый трамвай я увидел довольно скоро, в сумерках окоченевая от промозглого ветра на конечной, и очень обрадовался. Хороший с виду трамвай, современный, просторный, с хищной заостренной мордой, красивый, как апельсин. И наверняка теплый, как тропики. Приглядевшись, я обнаружил, что трамвай интересен не только мне. Вокруг него сучились задумчивые люди в оранжевых жилетах и в сигаретном дыму время от времени бросали острые фразы, доносимые ветром до слуха и без того неустойчивых на льду отдыхающих Центрального парка. «Восхищаются», – подумал я.

На новом трамвае я так и не уехал, пошел пешком, а после выяснилось, что эти самые трамваи не подружились с нашими рельсами и нашей, что ли, «средой». Воспетые в стихах и прозе трамвайные рельсы, снег, замысловатые улочки оказались столь негостеприимны, что новый современный трамвай просто впадал в отчаяние на ровном месте, трескался, поворачивал вспять и, страшно сказать, – ломался. Я глубоко опечалился от услышанного и увиденного в местной прессе и решил переключиться на любительскую орнитологию.

Тем временем в кормушке за кухонным окном случились перемены. Синицы – те стали завсегдатаями, разве что не называли меня Васильичем и не жали руку по утрам. Нередко залетали гоповатые снегири

и угрожали черными клювами приютившимся на бетонных стенах синичкам. И те и другие как-то гармонировали в своем животном бытии, кормушки хватало на всех: если снегири брали силой, то синицы – хитростью. И вдруг появились голуби.

Странная пара. Голубь и голубка. Он – белый, статный, только без породистых перьев на лапах. И взгляд у него не испуганно-глуповатый, как у обычных голубей, а осмысленный, что ли. Она – типичная серая голубка у супермаркета. Сначала прилетал голубь, всеу трепыхался у маленькой синичьей кормушки, разбрасывая перья. Неудобно, тесно. Следом на карниз скромно садилась голубка, выжидая чего-то. Вертела головой, пугливо разглядывала меня сквозь стекло. «Заказал на свою голову, приблизил птичий мир к своему жилищу, – думал я, глядя в окно. – Казалось бы, обычная кормушка, а сколько драматизма».

Ухватив пару семечек и осуждающе поглядев на меня, голуби отправились дальше. Не те рельсы.

КОЛОНКИ

Так-то я в детстве с колонки воду возил... Но называть аудиокolonки мониторами, акустической системой или вульгарно динамиками тоже не стану. Особо в этом не разбираюсь, да и неблагозвучно. А речь пойдет о звуке. Так что буду говорить просто – колонки.

Оказалось, что, несмотря на «тяжелые девяностые», все детство я слушал музыку в хорошем качестве. Проигрыватель виниловых пластинок «Вега» с большими колонками выдавал такой звук, что вместо здорового желания бросать шифер в костер я вдруг выяснил, добравшись до низа пластиночной башни, что И.С. Бах плодовит был не только в музыке. И сравнив опусы сына Карла с творениями отца, сам того не осознавая, умертвил пресловутую открытость миру ироничной усмешечкой. Прорезался вкус. Жизнь пошла под откос: Бах, Гендель, Вивальди... Абстрактные карандашные рисунки под музыку – мечта психолога-аспиранта.

После того достойных колонок у меня толком и не было. Какие-то CD-проигрыватели, наушники, всевозможные компьютерные колонки с пластмассовым звуком. И все как бы устраивало. При желании можно ведь и в филармонию сходить. Но филармония вряд ли придет к тебе. И слава богу. Мне желательно так: лежишь в сумерках на диване, чай под рукой, глаза закрыты. За окном чтоб нечто нашептывало – клены ненавязчиво шумели или дождь шел. И в комнате чтоб музыка, как в филармонии, но без артистов с их безжалостной мимикой, когда душа просит слушать, а тело – перекреститься и сбежать.

Задумался я о новых колонках. Времена сложные, особо не разгуляешься, уложиться надо в разумную сумму. Но чтобы звук – не хуже веговского, как в детстве. Начал смотреть, выбирать. Особенно тревожили меня отзывы к приглянувшимся колонкам. Казалось, что одни постояльцы интернет-магазина родились вовсе без слуха и у них «вроде играет»

и «фурычит», а другие, самое меньшее, искушенные аудиофилы, если не падшие ангелы, тоскующие по гармонии сфер. Но вступать в диалог с таким экспертом не рекомендую, себе дороже. Выяснится, что никакие колонки не сравнятся с живой акустикой, и эксперт как бы нехотя пригласит на филармонический концерт, где в какой-то симфонии в финале он издает значительное «бом» по литаврам, отчего немного туг на ухо.

Остановился я на китайских колонках с английским названием. В переводе на русский – «проповедник». «Очень интересно», – подумал я. Отзывы в основном положительные, есть блютуз, чтобы слушать музыку с телефона на диване, как и хотел. И цена на порядок ниже, чем подобная же модель в городских магазинах. Одна печаль – колонки ждать из Китая около месяца. Немного смутили и некоторые фото в отзывах с пробитыми коробками, словно их бросали через китайскую границу посредством катапульти. А с нашей стороны не успевали поймать. Или не хотели, для точности эксперимента... Впрочем, все как один уверяли, что все цело. Искусился, поддался и заказал себе «проповедника».

Наступила пора тревожного ожидания. Для всех невротиков с тонким и не очень музыкальным вкусом в приложении есть функция отслеживания – трекер. Ею я и воспользовался. Все там было активно и утешительно на этапе передачи колонок с китайской таможни на нашу: прибыли туда-то, оформили то-то. Я даже представлял, как бережно и душевно, напевая «Катюшу», бдительные китайцы управляют с моей посылкой. А после нашей таможни – тишина. Тут представилось другое: тихая заснеженная степь, уходящая в горизонт, и оттуда философски мерцающая, – какие еще колонки, когда все пустота... Мда.

С потухшим трекером воображение разыгралось сильнее. Не могли же колонки просто исчезнуть на границе, наверное, как-нибудь движутся. Но как? На санях ли, оказией с «Почтой России» через Камчатку или сами собой перекувыркиваются в степи... Прошел Новый год, Рождество, старый Новый год... Глухо. Минуло полтора месяца с момента заказа. «Вот и кинули тебя, алчный ты человек, – подумал я. – Вот тебе и Бах с Перголези». Но потом успокоился, надев на себя маску смирения.

Впрочем, не сразу. Сначала я выдал обличительное письмо продавцу интернет-магазина (в стилистике письма Белинского Гоголю, за которое Достоевского посадили). А после уже выдохнул и затих. Но все же терзался тайно. И однажды не вытерпел и глянул в приложение, а там – «можно забирать». Глазам своим не поверил.

Забрал, коробка чуть помятая, но целая, колонки тоже. Лег на диван, включил «Прелюдии и фуги» Баха в исполнении Рихтера с телефона – чудеса! Как в филармонии. Но слегка тревожило мое критическое письмо продавцу. Нехорошо как-то. Зашел в приложение, написал, что «колонки пришли, извините». А спустя время получил ответ: «Ладно, я рад, что ваша юбка прибыла в целостности и сохранности».

«Батюшки-светы», – удивился я. Посмотрел на колонки, подумал, как они, интересно, исполняют «Нирвану».

ОСЕНЬ

Есть что-то тягостное и необратимое в первых осенних холодах. Когда отопление еще не дали, и пьешь без конца горячий чай, надеясь согреться. И лежишь, смотришь с дивана, потирая друг о друга шерстяные носки, как обреченно и нелепо висит на балконе влажная тряпка, которая высохнет едва ли...

И ощущаешь какую-то (хотелось бы комическую) схожесть с этой тряпкой, а не смешно. И даже какую-то досаду, что повесил ее в сухой солнечный день, выйдя в футболке на балкон, где радовали глаз на бесплатных газетках разноцветные овощи.

И повесил тряпку с уверенностью, что высохнет за два часа: повисит-повисит некрасиво и для порядка уродливой заплатой ясного неба. Чтобы после уверенным движением снять, бережно свернуть, уже сухую... а тут бац – осень.

И не та, золотая, которую восторженные поэты описывают, а с холодными дождями и безнадеей. Потому что зуб на зуб не попадает и всякая там силлаботоника идет к черту. Не книжная. Осень – являющаяся как пьяный сосед, ошибшийся дверью.

И лежим и висим, кому как суждено, – я и тряпка – в полной растерянности перед этой самой осенью, без всякого романтизма. (Шум дождя.)

